

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Е.Л. Рудницкая. Спорные вопросы корейской грамматики: Теоретические проблемы и методы их решения. М.: Восточная литература, 2010. 296 с.

Хорошо известно, что многие формальные синтаксические теории разрабатывались в первую очередь на материале германских, романских и славянских языков. Что касается языков других групп и семей, по-видимому, не будет преувеличением сказать, что после языков индоевропейской семьи с формальной точки зрения наиболее подробно изучен синтаксис японского и корейского языков. В особенности велико число исследований корейского синтаксиса, написанных в рамках различных направлений генеративной грамматики. Активное накопление фактов и предлагаемых вариантов анализа приводит к тому, что многие важные проблемы не всегда успевают осмыслиться лингвистами, не занимающимися непосредственно указанными языками, и довольно часто рассматриваются изолированно друг от друга.

В свете этого необходимо отметить появление монографии Е.Л. Рудницкой «Спорные вопросы корейской грамматики», представляющей собой критический обзор существующих исследований по корейскому синтаксису в сочетании с элементами оригинального анализа. В трех главах монографии рассматриваются аспекты грамматики корейского языка, вызывающие серьезные разногласия между специалистами: свойства грамматических показателей в связи с проблемой границ словоформы, подлежащее и подлежащие свойства, стратегии кодирования коммуникативных категорий, подъем субъекта из сентенциального актанта, функции конвербов с нарративной семантикой, скалярные конструкции и конструкции с эвиденциальным значением. Перечисленные проблемы анализируются с различных теоретических позиций: формальный синтаксический подход (вариант минималистской программы [Chomsky 1995]), описание семантики конст-

рукций в духе работ Московской семантической школы и функционально-типологический подход. В ходе разбора существующих исследований Е.Л. Рудницкая уточняет аргументы и выводы авторов исходя из собственного материала, собранного при работе с носителями корейского языка. Кроме того, автор рассматривает некоторые явления, ранее не анализировавшиеся с такой степенью подробности в работах по синтаксису корейского языка.

Первая глава книги посвящена проблеме границы словоформы. Как известно, в корейском языке, как и в других агглютинативных языках, многие критерии, различающие аффиксы и клитики, входят в противоречие; в частности, грамматические показатели могут занимать в словоформе позицию после так называемых выделительных частиц. Автор рассматривает именные и глагольные грамматические показатели корейского языка, привлекая тесты, предложенные в рамках различных теоретических парадигм ([Zwicky 1985; Lapointe 1996; Плунгян 2009; Franks, King 2000] и др.): ограничения на сочетаемость (по частям речи), возможность групповой флексии, морфонологические чередования, семантическая связанность, участие в синтаксических процессах, позиция в словоформе; а также тесты, выделяющие фразовые аффиксы: способность оформлять группу словоформ (например, при сочинении), способность присоединяться к другим словоформам в составе рассматриваемой группы (например, способность падежного аффикса присоединяться к зависимым в составе именной группы), способность дублироваться в сочинительной конструкции, позиция на границе составляющей. В результате рассмотрения данных критериев автор убедительно показывает правомерность

анализа именных и глагольных показателей корейского языка в терминах «фразовых» (т. е. групповых) аффиксов.

Исходя из перечисленных критериев автор показывает большую степень автономности именных аффиксов в корейском языке в сравнении с глагольными и рассматривает различные варианты формального анализа именной и глагольной форм. Сравнивая три подхода к формальному представлению словоформы – анализ в терминах грамматики порядков (статическая модель словоформы, где каждый аффикс имеет строго определенную позицию), лексикалистский подход (см. [Sells 1995]) и анализ в терминах дерева составляющих, – автор обосновывает анализ корейской словоформы в виде дерева составляющих, где каждый аффикс занимает отдельную вершину в синтаксической структуре. Такой анализ позволяет объяснить явления, представляющие проблему для лексикалистского подхода и грамматики порядков, в частности возможную вариативность в порядке следования морфем (например, различные позиции дистрибутивной морфемы *-tul*, аффикса инструменталиса и выделительной частицы *-tan* и др.; кроме самой вариативности, требуется также объяснить тот факт, что словоформы с разным порядком последних двух элементов (друг относительно друга) имеют различную семантику). Все три подхода, однако, сталкиваются со следующими проблемами: многие корейские аффиксы полифункциональны и, следовательно, не могут быть привязаны к конкретным позициям или вершинам в дереве. Кроме того, именные показатели могут подвергаться опущению (например: *John-i nwukwu-hako nolassni?* – *Mali-Ø / Mali-hako*. ‘С кем играл Иван? – С Марией’, с. 46).

Во второй главе автор рассматривает центральную проблему корейского синтаксиса – проблему выделения подлежащего (см. [Li, Thompson 1976]). Как известно, в корейском языке (как и в японском) существует два структурных типа именных групп, которые могли бы претендовать на статус подлежащего, – это именные группы с показателем топики *-nip* и именные группы с показателями именительного падежа *-i/-ka*. Оба типа именных групп могут занимать начальную позицию в предложении, контролировать глагольное согласование и рефлексивизацию, быть мишенью подъема в главную клаузу. Однако существует ряд аргументов против анализа обсуждаемых показателей в терминах подлежащего: например, показатель топики может оформлять именные группы в косвенном падеже; показатель именительного падежа может оформлять две именные группы в составе одной клаузы – в конструкциях с так называемым подъемом посессора (аналог рус-

ских конструкций вида *У Маши глаза большие*). В монографии суммируются различные критерии выделения подлежащего, предлагаемые в формально-синтаксических и типологических исследованиях (контроль согласования, сочинительного сокращения, рефлексивизации, подъем в главную клаузу, начальная позиция в предложении, трансформация в нулевой субъект нефинитной клаузы). Показана необходимость особой трактовки для корейского языка признака «контроль глагольного согласования» (согласование по категории вежливости), который во многих языках считается релевантным для обсуждаемого вопроса [Тестелец 2001: 322]: в корейском возможно согласование с дативными именными группами, которые не удовлетворяют остальным критериям подлежащего; в силу этого данный критерий должен применяться «за вычетом» дативных именных групп. Далее, показана неприменимость признаков «копирование показателя множественного числа *-tul*» (при дистрибутивном значении глагола, см. обсуждение данного признака как потенциального критерия определения подлежащего в русском в [Там же: 334–336]) и «возможность трансформации в нулевой субъект в нефинитном обороте».

В результате анализа обсуждаемых критериев автор приходит к следующим выводам. По релевантным признакам конструкции с показателем топики распадаются на следующие три типа: топик при подъеме посессора, топик с показателем косвенного падежа и все остальные случаи употребления данного показателя. В первом типе конструкций топик удовлетворяет всем выделенным в работе подлежащим критериям и интерпретируется как «квазиподлежащее» (данные именные группы не контролируют сочинительное сокращение; глагольное согласование с такими именными группами возможно, но необязательно). Вторым типом конструкций, напротив, не удовлетворяет указанным критериям. В третьем типе конструкций не соблюдаются критерии начальной позиции, подъема субъекта и контроля рефлексивизации. Остальным критериям, однако, данная конструкция удовлетворяет. Таким образом, с точки зрения подлежащего статуса эта конструкция является проблемной.

Именные группы с именительным падежом также способны иметь различные синтаксические свойства: имена в косвенных падежах, присоединяющие показатель именительного в функции контраста, не обладают свойствами подлежащего. Во всех остальных случаях существительные с именительным падежом в полной мере обладают подлежащими свойствами.

Описываемые конструкции последовательно рассматриваются не только с точки зрения синтаксических критериев выделения под-

лежащего, но и с точки зрения семантики и прагматики. Автор проводит подробный анализ всех основных конструкций, допускающих показатели топика и именительного падежа: кроме случаев транзитивной клаузы с агентивным глаголом, рассматриваются также экспериенциальные предложения, предложения с именным сказуемым различных типов (характеризующие, бытийные, посессивные и др.), а также конструкции с именительным падежом при так называемом подъеме посессора и при косвенных дополнениях для обозначения контраста. Перечисленные типы конструкций анализируются в контекстах высказываний с различной информационной структурой.

Анализируя функциональное распределение показателей топика и именительного падежа, а также синтаксические ограничения на их употребление, автор приходит к решению о необходимости постулировать две различные позиции для грамматического подлежащего и топика. Такое решение близко концепции [Yoon 2004] о противопоставлении синтаксических позиций грамматического подлежащего (именная группа в именительном падеже) и главного подлежащего (*major subject*, именная группа с показателем топика) в корейском.

Предложенный анализ крайне интересен, однако остается неясным, какое развитие может получить постулирование двух позиций для других разделов грамматики, в особенности с точки зрения формальной парадигмы, выбранной в качестве основной. В частности, автор показывает, что оба падежных показателя – именительный и показатель топика – могут опускаться в устной речи при эллипсисе. Возникает вопрос, как такое явление может трактоваться в терминах различных синтаксических позиций для именных групп, оформленных и не оформленных падежом. Не вполне понятно также, как могут анализироваться конструкции с подъемом посессора (и посессор, и обладаемое в таких конструкциях оформляются именительным падежом) при наличии в клаузе единственной позиции для грамматического подлежащего в именительном падеже. Далее, для ряда конструкций, как указывает автор, при одной и той же именной группе может быть выбран как показатель именительного падежа, так и показатель топика (в зависимости от коммуникативного фактора): например, агент при двухвалентном агентивном глаголе, экспериенцер и стимул при двухвалентном экспериенциальном глаголе. Конструкция с подъемом посессора имеет в корейском эквивалент в виде именной группы с посессором в родительном падеже. Такой набор возможностей при выборе падежа в рамках формального подхода требует объяснения в терминах различных позиций,

куда передвигается обсуждаемая именная группа, и специальных признаков, вызывающих такое передвижение. В книге, однако, не делается попытки эксплицитно описать такие передвижения и вызывающие их признаки.

Высказанное замечание является частью более общего соображения относительно анализа, предлагаемого автором. Безусловное достоинство работы – использование различных теоретических подходов – довольно часто делает проблематичным принятие того или иного решения. Если семантические или функциональные соображения противоречат тому или иному синтаксическому анализу, это служит серьезным аргументом в типологически или функционально ориентированном описании, однако это не всегда в той же мере релевантно для теории минимализма – именно так обстоит дело, например, с тем фактом, что показатель топика в конструкциях с двухместными глаголами и с предикатами состояния имеет различную семантику. И наоборот, для функциональной типологии и описательной грамматики корейского языка нерелевантны многие системные теоретические соображения, лежащие в основе минимализма, – например, запреты на полисемию показателей или вариативность их порядка (для описания данных явлений в формальной теории приходится постулировать различного рода передвижения). Пытаясь примирить рассматриваемые подходы, автор стремится руководствоваться аргументами и первого, и второго типа, что иной раз приводит к несбалансированности суждений. В частности, оспаривая в разделе 3.2 третьей главы трактовку корейских количественных конструкций в терминах передвижения в позицию фокуса, а затем в позицию топика (анализ, предложенный в [Jung 2004]), автор апеллирует к автономности механизма передвижений от коммуникативного членения предложения. Однако согласно представлению исследователей, постулировавших «функциональные проекции» топика и фокуса, данные позиции вводятся специально для отражения коммуникативного членения (см. [Rizzi 1997; Radford 2006: 209–215]). Таким образом, критикуя предложенный анализ, автор руководствуется предпосылками, которые отсутствуют у исследователей, работающих в рамках минимализма.

Далее, доказывая биклаузальность так называемых конструкций с контрактурой (т. е. конструкций со значением косвенного источника информации, где глагол речи редуцирован до суффиксов времени и склонения), автор апеллирует к семантике данных конструкций. На с. 242 утверждается, что, поскольку у конструкции сохраняется имплицитное значение ‘говорить’, в синтаксической структуре следует восстанавливать глагол речи. Как представ-

ляется, такой аргумент не может быть принят ни в формальной модели, используемой в работе, ни в функциональном подходе. Семантика конструкции не является аргументом в пользу биклаузальности, например, в формальных работах по каузативам, модальным и фазовым глаголам (*restructuring verbs*, т. е. глаголы, которые образуют конструкции с моноклаузальными свойствами) [Cinque 1999; Wurmbrand 2001]. Типологами также активно обсуждаются конструкции, где модальные или эвиденциальные значения передаются не в составе полипредикации (типа *Он сказал, что он придет*), а аффиксами или аналитическими конструкциями. Например, в арчинском языке [Daniel 2007] зафиксирован суффикс косвенной речи, по некоторым свойствам похожий на корейскую конструкцию (например, данный суффикс, как и в корейском, может вводить собственный аргумент, указывающий на источник информации), однако по ряду свойств эта конструкция все же является моноклаузальной.

Третья глава «Отдельные вопросы семантики и прагматики корейского (в сопоставлении с русским)» более разнородна по проблематике. Ее первый раздел (3.1) посвящен сопоставительному исследованию корейских конвербов (деепричастий) и русских сочинительных и противительных союзов. Как известно, конвербы в алтайских языках формируют конструкции, которые не всегда однозначно характеризуются в терминах дихотомии «сочинение – подчинение» (см., например [Foley, Van Valin 1984; Culicover, Jackendoff 1997]). Исходя из синтаксических критериев сочинения и подчинения одни и те же конструкции в ряде языков способны одновременно демонстрировать и сочинительные, и подчинительные свойства. Наибольшим количеством сочинительных свойств чаще всего обладают «простые» конвербы (в терминологии [Nedjalkov 1995]), имеющие достаточно широкий набор функций: такие формы могут обозначать последовательность ситуаций в нарративе, одновременность ситуаций, нарушенное ожидание, в более широком контексте – причину, условие и др. Таким образом, речь идет о конструкциях, которые являются функциональным аналогом европейских сочинительных союзов: как известно, сочинительные союзы в языках европейского стандарта также способны развивать значения причины, условия и др., типичные для «подчинительных» союзов (например: *Я опоздал, и билеты пропали*; см. подробнее [Санников 2008: 284–294]). Сочинительные синтаксические свойства такого рода форм в той или иной мере отражают их широкую семантику. В связи с этим крайне интересны работы, в которых изучение синтаксических критериев сочинения и подчинения сопровождается

подробным семантическим анализом конверба или союзного средства. Однако в силу широкого функционального потенциала таких форм их распределение обычно трудно охарактеризовать прозрачным образом. Такая характеристика требует достаточно детального семантического анализа, который, как правило, не проводится в синтаксических работах по сочинению и подчинению. Анализ Е.Л. Рудницкой восполняет данную лауну относительно корейского языка. В настоящей книге автор приводит анализ семантики конвербных показателей корейского языка, которые образуют полипредикативные конструкции со свойствами сочинения (см. также [Рудницкая 1997; Rudnitskaya, Uryson 2008]). Сопоставляя значения корейских конвербных показателей со значениями русских союзов *и*, *а*, *но* и используя при этом понятийный аппарат Московской семантической школы, автор объясняет их распределение и формулирует ограничения на их употребление.

Второй раздел (3.2) содержит анализ корейских скалярных конструкций – конструкций с числительными, квантификаторами и прилагательными, выражающими меру и степень. В ряде языков данные конструкции представляют интерес для синтаксического анализа, так как довольно часто неочевидно, что является вершиной количественной группы – квантификатор или имя. Такими проблематичными случаями являются, например, русские конструкции с числительными (по-видимому, числительное управляет существительным в конструкции *семь студентов*, но не в косвенных падежах *о семи студентах*; см. [Мельчук 1985; Corbett 1993] и др.), нумеративные конструкции вида «ведро яблок» в уральских и тюркских языках и т. п. В корейском языке конструкции с числительными обычно содержат классификаторы, грамматикализовавшиеся из полнозначных имен. Числительное с классификатором может находиться как перед существительным, так и после него; в последнем случае показатель падежа присоединяется не к существительному, а к классификатору. Таким образом, для конструкций второго типа возможны следующие трактовки: (1) классификатор является вершиной, и следовательно, оформляется падежом, (2) имя является вершиной, а падежный аффикс после классификатора интерпретируется как фразовый (находясь в крайней правой позиции, он модифицирует всю группу). В корейском также возможен третий тип конструкций, где и классификатор, и имя оформляются показателем падежа. Критикуя анализ данных трех типов конструкций в работах [Nakanishi 2004] и [Jung 2004], Е.Л. Рудницкая обосновывает анализ количественных групп как *nP/NcLP*, т. е. группы классификатора; квантифицируемое

имя при этом находится в позиции комплемента нумеративной группы. Изменения в линейном порядке имени и классификатора объясняются в терминах передвижений.

Третий раздел (3.3) посвящен цитативным эвиденциальным конструкциям в корейском языке в сопоставлении с русским. Рассматриваются так называемые конструкции «с контрактурой» – конструкции, в которых глагол речи опущен, однако остаются суффиксы времени и наклонения, которые он присоединял бы. Иными словами, зависимый глагол оформляется показателями времени и наклонения, затем следуют показатели времени и наклонения, относящиеся к опущенному глаголу речи; сам глагол речи отсутствует. В этих конструкциях может возникать субъект речи, маркированный показателем топики. Как показывает Е.Л. Рудницкая, такие конструкции обладают различными свойствами в настоящем и прошедшем времени: в прошедшем времени они демонстрируют большее количество биклаузных свойств. В частности, в прошедшем времени (но не в настоящем) допускается 1) наречие, семантически модифицирующее глагол речи, а не вложенный предикат, 2) именная группа, обозначающая адресата речи (т. е. опущенный глагол речи может иметь собственный аргумент – адресат). Автор предлагает для данных конструкций различный синтаксический анализ: конструкция в настоящем времени анализируется как моноклаузная, а конструкция в прошедшем времени – как биклаузная.

Не оспаривая правильности выводов автора, тем не менее выскажем несколько замечаний по конкретным критериям, использованным в данном разделе. Не вполне понятно, почему аргументом против биклаузости автор считает невозможность присоединять отрицание, относящееся к глаголу речи ('Не говорят, что Р'; с. 246). Как справедливо отмечается здесь же, корейские конструкции с опущенным глаголом речи могут быть сопоставлены по своим свойствам с русскими парентетическими конструкциями (*как ему кажется, как он думает* и т. п.), которые не могут содержать отрицание (**как ему не кажется, *как он не думает*, см. [Апресян 1995; Падучева 1996]). Невозможность отрицания в приведенных примерах объясняется тем, что такие парентетические клаузы передают чужое мнение, с которым согласен говорящий [Падучева 1996]. Как отмечает Е.Л. Рудницкая, корейские конструкции функционально параллельны парентетическим конструкциям в русском. Следовательно, невозможность отрицания в корейском можно было бы объяснить семантическим ограничением (как и в русском), ничего не говорящим о моно/биклаузости конструкции.

И наоборот, аргументом в пользу биклаузости корейской конструкции с опущен-

ным глаголом речи автор считает способность зависимого глагола выступать в форме повелительного наклонения. Не вполне ясно, однако, почему в данном случае способность выступать в различных наклонениях должна служить синтаксическим критерием, позволяющим судить о количестве клауз. При грамматикализации цитативного показателя (например, в дагестанских языках, см. [Daniel 2007]) и при цитативных частицах (например, русск. *Ты, мол, сам иди и выясняй*), равно как и при наличии главной предикации с глаголом речи (*Он сказал, мол, не забудь мне позвонить*) в зависимой клаузе возможно использование косвенных наклонений для выражения значения побуждения. При этом едва ли подобные конструкции можно считать биклаузальными с точки зрения синтаксиса.

Для доказательства моно/биклаузости рассмотренных корейских конструкций можно было бы также использовать следующие критерии: возможность двух временных обстоятельств с различной семантикой (например, *Вчера говорили, что сегодня будет выходной*), ограничения на антецедент рефлексива (в том случае, если в корейском такой тест релевантен); возможность двух именных групп с одинаковым надежным оформлением (например, возможность двух имен с показателем топики, из которых одно бы отсылало к субъекту речи, а второе было бы аргументом вложенного предиката, или же возможность двух имен в дативе – адресата речи и бенефактивного аргумента при вложенном предикате).

Как можно видеть, монография Е.Л. Рудницкой содержит ценные теоретические обобщения и новый материал по всем названным выше темам. Проблемы, которые затрагиваются автором, не раз обсуждались в различных исследованиях (прежде всего, проблемы границы словоформы и позиции подлежащего, вопрос о кодировании коммуникативных категорий в корейском). Однако многие свойства анализируемых конструкций ранее рассматривались в отрыве от других компонентов грамматики. Настоящая книга представляет особую ценность, так как автор предлагает системный подход к явлениям, вызывающим полемику у представителей различных теоретических подходов. Обобщая данные и выводы, представленные в грамматиках и специальных исследованиях, Е.Л. Рудницкая восполняет лакуны собственными данными, полученными в ходе работы с носителями языка. Результаты, к которым приходит автор, релевантны как для синтаксической теории, так и для описания синтаксиса корейского языка. Важно подчеркнуть, что в книге все изучаемые конструкции рассматриваются с различных позиций: с точки зрения синтаксической структуры, типологической перспективы и

семантики. Мотивируя те или иные выводы, автор стремится учитывать все три подхода; таким образом, принимаемые решения не являются механическими или внутренне-теоретическими (theory-internal), а обосновываются с точки зрения синтаксических и семантических свойств, а также с позиций общего представления об устройстве и семантике близких по свойствам конструкций в других языках.

В книге рассматриваются центральные проблемы морфологии и синтаксиса корейского языка, вызывающие полемику как в отношении корейского и японского, так и для многих неродственных им языков. В силу этого, монография представляет интерес для широкого круга читателей, работающих в рамках различных лингвистических парадигм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Языковая аномалия и логическое противоречие // Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- Мельчук 1985 – И.А. *Мельчук*. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien, 1985.
- Падучева 1996 – Е.В. *Падучева*. Коммуникативный статус вводных предложений // Е.В. *Падучева*. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Плунгян 2009 – В.А. *Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. 3-е изд. М., 2009.
- Рудницкая 1997 – Е.Л. *Рудницкая*. Проблема алтайского сочинения в корейском языке // ВЯ. 1997. № 6.
- Санников 2008 – В.З. *Санников*. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.
- Тестелец 2001 – Я.Г. *Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Chomsky 1995 – N. *Chomsky*. The minimalist program. Cambridge, 1995.
- Cinque 1999 – G. *Cinque*. Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective. Oxford, 1999.
- Corbett 1993 – G.G. *Corbett*. The head of Russian numeral expressions // G.G. *Corbett*, N.M. *Fraser*, S. *McGlashan* (eds.). Heads in grammatical theory. Cambridge, 1993.
- Culicover, Jackendoff 1997 – P.W. *Culicover*, R. *Jackendoff*. Semantic subordination despite syntactic coordination // LIn. 1997. V. 28. № 2.
- Daniel 2006 – M. *Daniel*. Reported speech in Archi: A new approach to the old data. Paper presented at the conference “Morphosyntaxe des langues du Caucase”. Paris, December 11–14, 2006. <http://caucasus.free.fr/>
- Foley, Van Valin 1984 – W.A. *Foley*, R.D. *Van Valin*. Functional syntax and universal grammar. Cambridge, 1984.
- Franks, King 2000 – S. *Franks*, T.H. *King*. A handbook of Slavic clitics. Oxford, 2000.
- Jung 2004 – Y.-J. *Jung*. NP-splits, word order, and multiple case mystery // Korean journal of linguistics. 2004. V. 29, issue 4.
- Lapointe 1996 – S.G. *Lapointe*. Comments on Cho and Sells “A lexical account of inflectional suffixes in Korean” // Journal of East Asian linguistics. 1996. V. 5.
- Li, Thompson 1976 – Ch.N. *Li*, S.A. *Thompson*. Subject and topic: A new typology of language // Ch.N. *Li* (ed.). Subject and topic. New York, 1976.
- Nakanishi 2004 – K. *Nakanishi*. Domains of measurements: formal properties of non-split/split quantifier constructions. PhD Diss. University of Pennsylvania, 2004.
- Nedjalkov 1995 – V. *Nedjalkov*. Some typological parameters of converbs // M. *Haspelmath*, E. *Koenig* (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Structure and meaning of adverbial forms – adverbial participles, gerunds. Berlin; New York, 1995.
- Radford 2006 – A. *Radford*. Minimalist syntax revisited. <http://courses.essex.ac.uk/lg/lg514>
- Rizzi 1997 – L. *Rizzi*. The fine structure of the left periphery // L. *Haegeman* (ed.). Elements of grammar. Dordrecht, 1997.
- Rudnitskaya, Uryson 2008 – E. *Rudnitskaya*, E. *Uryson*. Toward a semantic typology of coordination // E.J. *Vajda* (ed.). Subordination and coordination strategies in North Asian languages. Amsterdam; Philadelphia, 2008.
- Sells 1995 – P. *Sells*. Korean and Japanese morphology from a lexical perspective // LIn. 1995. V. 26, issue 2.
- Wurmbrand 2001 – S. *Wurmbrand*. Infinitives. Restructuring and clause structure. Berlin, 2001.
- Yoon 2004 – J.-H.-S. *Yoon*. Non-nominative (major) subjects and case-stacking in Korean // P. *Bhaskararao*, K.V. *Subbarao* (eds.). Non-nominative subjects. V. 2. Amsterdam; Philadelphia, 2004.
- Zwicky 1985 – A.M. *Zwicky*. Clitics and particles // Lg. 1985. V. 61, issue 2.

Н.В. Сердобольская

Сведения об авторе:

Наталья Вадимовна Сердобольская
Российский государственный гуманитарный университет
serdobolskaya@gmail.com